

**ОДНО ИНТЕРВЬЮ – ДВА ИНФОРМАНТА
(ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ
О ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1944 гг.)**

Воспоминания очевидцев являются важным источником, дополняющим документы эпохи, отражающим конкретные исторические события в человеческом измерении. Результат интервьюирования всегда непредсказуем. Потенциальный информант может как согласиться на интервью, так и отказаться, не желая погружаться в травматичные воспоминания. Степень информативности зависит от индивидуальных особенностей памяти человека, его пола, возраста на момент описываемых событий, размещения населенного пункта (партизанская зона или уверенно контролируемая оккупантами территория, западная или восточная часть Беларуси). Если же во время интервьюирования информантов оказывается двое (соседи, супруги), степень полноты информации о событиях в регионе возрастает. Можно предположить, что, поскольку оба информанта проживали в одном или соседних населенных пунктах, в одинаковых политических и социально-экономических реалиях, их рассказы будут идентичны, однако практика интервьюирования показывает, что на восприятие оккупационной действительности влияло множество факторов: нахождение населенного пункта в партизанской зоне или на территории, контролируемой оккупационными властями, наличие в семье трудоспособных членов, скота, инвентаря, земли и т.д. В практике интервьюирования автор сталкивался с воспоминаниями одновременно двух информантов трижды.

Так, в д. Велевщина Лепельского района 10 июля 2009 г. были записаны воспоминания гражданок (соседки) 1924 и 1934 годов рождения.

Первый информант достаточно подробно характеризует оккупационную повседневность до карательной операции и захвата их немцами: мобилизация мужчин, раздел колхозной земли, контакты с партизанами, быт семьи («траву всякую мешали в хлеб (канюшына)», «палілі лучыну»), походы в Лепель на рынок, размещение в деревне подразделения украинского полицейского батальона. Второй информант в годы войны была значительно моложе, поэтому оккупационную повседневность практически не характеризует. Обе очевидицы и их семьи были захвачены в ходе карательной операции, отправлены на сборный пункт и далее на работу в Германию. Пребывание в чужой стране, принудительный труд обе описывают детальным образом. Этот период характеризуется более подробно, чем жизнь в родной деревне в условиях оккупации [1].

Воспоминания второй пары информантов (супруги, мужчина 1929 и женщина 1932 годов рождения) были записаны 13 августа 2017 г. в д. Груздово Поставского района. В годы войны проживали в соседних деревнях: Груздово (мужчина) и Дащенко (женщина).

Рассказ мужчины типичен для жителя подконтрольной оккупационной администрации деревни, которая позднее попала в так называемую «серую зону» (населенный пункт, уверенно не контролируемый постоянно ни оккупантами, ни партизанами). Земли у семьи не было, отец батрачил по деревням. Информант один год ходил в школу. В деревне некоторое время размещался пост полиции (один полицейский был односельчанином, другие из окрестных деревень), имелось арестное помещение. Полицейские характеризуются исключительно негативно: «одеты кое-как», «даже дети боялись» (вспоминает избиение детей резиновой палкой). Через некоторое время полицейский пост был ликвидирован партизанами; немцы приезжали в деревню sporadически, на заготовку продуктов. Оценка партизан очень вариативна.

Женщина проживала в деревне, контролируемой партизанами. Одно время в ней размещался партизанский отряд «калининцев»; в их доме жили разведчики. Партизаны оцениваются чаще негативно, как местные, так и чужие, поскольку производили реквизиции одежды и обуви. От служившего ранее в польской армии отца информанта требовали отдать униформу. Во время блокады района жители деревни были принудительно перемещены карателями в д. Груздово, скот и продукты питания изъяты, окрестные деревни сожжены [2].

Воспоминания третьей пары информантов (также супруги) были записаны 11 мая 2019 г. в д. Янковичи Россонского района. Информанты 1928 г.р., проживали в годы оккупации в соседних деревнях: Грибово и Яцинов Двор. Мужчина помнит эвакуацию колхозного стада (так и узнали, что началась война), самолеты над деревней, красноармейцев, идущих по одному, по двое на восток, просивших у матери поесть, ворвавшихся в деревню немецких мотоциклистов, похороны местными жителями убитых советских солдат. Оккупационная власть функционировала недолго. В первую осень в деревне был староста, который организовывал сдачу немцам урожая с колхозных полей. С 1942 г. деревня контролировалась партизанами.

Упоминается встреча с П. М. Машеровым, оценка которого исключительно позитивная, мобилизация мужчин партизанами за линию фронта (из 18 вернулось двое). Информант возил для партизан отряда «Неуловимые» военные грузы, сброшенные парашютами. Помощь партизанам оказывалась добровольно, и имелась возможность помогать. Раздел колхозной земли описывает как «брали сколько хотели». Несмотря на отсутствие в семье отца и старших братьев (информант к 1942 году стал главным работником), материальное положение оценивает как нормальное. При этом в воспоминаниях присутствует традиционное описание военного быта (освещение лучиной, использование углей для розжига печи), а также перманентный страх перед немцами, когда по сигналу партизан об их приближении бежали в лес, где были выкопаны землянки. Карательную экспедицию пережили в лесном лагере на три семьи, взяв с собой три коровы, лошадь и продукты.

Его супруга из первых дней войны запомнила немецкий самолет-разведчик («Рама»), бомбежку аэродрома в Селявщине, отступающих солдат, живших в лесу, которым семья помогала продуктами. Партизан оценивает не так однозначно положительно, как супруг, в основном, из-за необходимости кормить проживавших в их доме, тогда как в семье не хватало продуктов (мать информанта грозила суицидом). В итоге партизаны выдали парашютную ткань, которую информант и ее мать меняли в других деревнях на продукты. Рацион семьи описывается как скудный («не дай бог, что мы ели»), хоть также имели поделенную колхозную землю. Конь был закреплен за пятью дворами. Во время отступления немцев семья скрывалась в лесу. Мать с сестрой были схвачены немцами и с другими пойманными отправлены в Литву работать в крестьянском хозяйстве. Информанту с другой сестрой (позднее тоже разлучились) удалось спрятаться, несколько дней сидели под деревьями в снегу. Услышала голос петуха и пошла в ту сторону, наткнулась на лагерь беженцев, в котором скрывалась семья ее будущего мужа [3].

Таким образом, практика интервьюирования двух информантов уникальна. Она позволяет с высокой долей достоверности реконструировать оккупационную действительность в конкретном микрорегионе. С одной стороны, воспоминания двух информантов взаимно дополняют друг друга (каждый запоминает определенные подробности), создают полноту картины, с другой стороны, они иллюстрируют специфику повседневности в населенных пунктах, существовавших в разных реалиях (подконтрольных немцам или партизанам), уникальные практики выживания отдельных семей, вариативность судеб людей, спасавшихся в лесах от карателей.

ИСТОЧНИКИ

1. Воспоминания Тарасевич Валентины Филипповны, 1924 г.р., Подобед Надежды Дмитриевны, 1934 г.р.; записаны 10 июля 2009 г. в д. Велевщина Лепельского района. Аудиозапись (1 час 11 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.

2. Воспоминания Альфер Антона Степановича, 1929 г.р., Альфер Юлии Юлиановны, 1932 г.р.; записаны 13 августа 2017 г. в д. Груздово Поставского района. Аудиозапись (1 час, 12 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
3. Воспоминания Кондратьева Франца Францевича, 1928 г.р., Кондратьевой Надежды Антоновны, 1928 г.р.; записаны 11 мая 2019 г. в д. Янковичи Россонского района. Аудиозапись (1 час 48 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.